

Роберт
Шекли

Поединок
разумов

Рассказы

Роберт Шекли

Поединок разумов (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Шекли Р.

Поединок разумов (сборник) / Р. Шекли — «Азбука-Аттикус»,

ISBN 978-5-389-15266-3

Замечательного американского писателя-визионера Роберта Шекли интересовали все сферы жизни и деятельности человека, но более всего, как истинного гуманиста, непосредственно сам человек и его сложный внутренний мир: психология, философия, религия, этика. У фонтанирующего идеями Шекли порой не хватало терпения на написание длинных романов, но зато рассказы, выходившие из-под его острого, ироничного пера, становились подлинными жемчужинами. В сборник «Поединок разумов» включены рассказы, составляющие золотой фонд мировой фантастики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15266-3

© Шекли Р.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Пиявка	5
Поединок разумов	14
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роберт Шекли

Поединок разумов (сборник)

Пиявка

Слишком долго она летела в пустоте. Слишком долго была без пищи. Безжизненная спора, она не замечала, как проходили тысячелетия. Не почувствовала она ничего и тогда, когда достигла наконец Солнечной системы и живительные лучи Солнца коснулись ее сухой твердой оболочки.

Планета потянула ее к себе, и, все еще мертвая, она вместе с другими межзвездными пылинками стала падать.

Пылинка, похожая на миллионы других; ветер подхватил ее, помчал вокруг Земли и отпустил...

На поверхности она стала оживать. Сквозь поры в ее оболочке стала поступать пища. Она принялась есть и расти.

Фрэнк Коннерс поднялся на веранду и два раза негромко кашлянул.

– Прошу прощения, профессор, – сказал он.

Длинноногий профессор, лежавший на раскладушке, даже не пошевелился и продолжал похрапывать.

– Мне не хотелось бы вас беспокоить. – От волнения Коннерс сдвинул свою старенькую шляпу на затылок. – Я знаю, у вас неделя отдыха, но там, в канаве, лежит такая чертовщина...

Одна бровь у спящего слегка приподнялась.

Фрэнк Коннерс снова вежливо кашлянул. На его руке, сжимавшей черенок лопаты, набухли старческие вены.

– Вы слышите, профессор?

– Конечно, я все слышал, – пробормотал Майкхилл, не открывая глаз. – Вам попался эльф?

– Чего? – спросил Коннерс, сосредоточенно наморщив лоб.

– Маленький человечек в зеленом сюртучке. Дайте ему молочка, Коннерс.

– Нет, сэр. Это какой-то камень.

Профессор открыл один глаз.

– Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить, – снова извинился Коннерс.

У профессора Майкхилла вот уже десять лет была единственная причуда – неделя полного отдыха. Это стало традицией. Всю зиму профессор читал студентам антропологию, заседал в полудюжине комитетов, занимался для себя физикой и химией и ко всему этому умудрялся писать еще по книге в год. Но к лету он выдыхался совершенно.

И тогда он отправлялся к себе на старую ферму, в штат Нью-Йорк, и целую неделю просто-напросто отсыпался. Это и называлось неделей полного покоя. Фрэнка Коннерса он нанимал на это время готовить еду и помогать по хозяйству.

Вторую неделю профессор, как правило, бродил по окрестностям, рассматривал деревья, птичек и удил рыбу. Третью неделю он читал, загорал на солнце, чинил крышу сарая и лазил по горам. Конца четвертой недели профессор дожидался с трудом, а дождавшись, торопился уехать.

Но первая неделя была священна.

– Я не стал бы вас тревожить по пустякам, но этот чертов камень расплавил мне лопату.

Профессор разом открыл глаза и приподнялся. Коннерс протянул ему лопату. Ее закругленная часть была ровно срезана. Майкхилл резко спустил ноги с раскладушки и сунул в потрепанные мокасины.

– Идемте, – сказал он, поднимаясь. – Посмотрим, что это за чудо.

«Чудо» лежало в придорожной канаве, отделявшей лужайку перед домом от большой автострады. Обыкновенная плита из камня величиной с автомобильную шину, дюйма три толщиной. На темно-серой поверхности виднелось множество замысловатых черных прожилок.

– Не трогайте руками, – предупредил Коннерс.

– Я и не собираюсь. Дайте мне вашу лопату.

Майкхилл взял лопату и ткнул ею в загадочный предмет. Какое-то время профессор прижимал лопату к поверхности. Когда он ее отнял – еще дюйм металла исчез.

Майкхилл нахмурился и поправил очки. Затем одной рукой он снова прижал лопату к камню, а другую поднес поближе к его поверхности. Лезвие таяло на глазах...

– Вроде бы не греет, – сказал он, обращаясь к Коннерсу. – А в первый раз? Вы не заметили, шло от камня тепло?

Коннерс отрицательно покачал головой.

Майкхилл набрал в руку грязи и бросил на камень. Комок быстро растаял, не оставив и следа на черно-серой поверхности. За комком грязи последовал большой булыжник, который исчез тем же способом.

– Вы когда-нибудь видели такую чертовщину, профессор? – спросил Коннерс.

– Нет. – Майкхилл разогнулся. – Никогда не видел.

Он снова взял лопату и изо всех сил ударил ею о камень... И чуть не выронил ее. Ожидая отдачи, он слишком сильно сжал черенок. Но отдачи не последовало. Лопата ударилась и сразу остановилась, как будто прилипла. Когда профессор приподнял ее, он увидел, что на черно-серой поверхности не осталось никакого следа от удара.

– Вот тебе и на. Что же это такое? – выдохнул Коннерс.

– Это не камень, – сказал Майкхилл, отступая назад. – Пиявки сосут кровь. А эта штука, кажется, сосет грязь и лопаты.

Мужчины переглянулись. На шоссе показалось несколько военных грузовиков. С ревом они промчались мимо.

– Пойду попробую дозвониться в колледж. Попрошу приехать кого-нибудь из физиков, – сказал Майкхилл, – или биологов. Хорошо бы убрать отсюда эту штуку, пока она не испортила мне газон.

Они направились к дому.

Все вокруг для нее было пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли прибавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки – все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала, – неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

На следующий день «пиявка» достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой доползла до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восемнадцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхилл ходил вокруг «пиявки» и задавал себе один и тот же вопрос: какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост – ни одно из *известных* веществ.

Вдали послышался гул колонны армейских грузовиков.

Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхилл понял, что перед ним бригадный генерал.

– Уберите эту штуку и очистите проезд.

Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

– Мы не можем ее убрать. – И Майкхилл рассказал генералу о событиях последних дней.

– Но ее необходимо убрать, – сказал генерал. Он подошел поближе и пристально посмотрел на «пиявку». – Вы говорите, ломом ее не скovyрнуть? И огонь ее не берет?

– Совершенно верно. – Майкхилл слабо улыбнулся.

– Шофер, – бросил генерал через плечо, – поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхилл хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги – вещь особая. Нужно дать им возможность посоображать самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиль остановился.

– Я не приказывал останавливаться! – рявкнул генерал.

– Я и не останавливался, сэр, – запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и замер.

– Простите, – сказал Майкхилл, – но у него плавятся шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

– Водитель! Прыгайте! Не коснитесь только этой серой штуки!

Лицо шофера побелело. Он быстро вскарабкался на крышу джипа, огляделся и благополучно спрыгнул на землю.

В полной тишине все наблюдали за джипом. Сначала растаяли шины, потом четыре обода, рама автомобиля...

Последней медленно исчезла антенна.

Генерал тихо выругался и приказал шоферу:

– Отправляйтесь к колонне и возвращайтесь с гранатами и динамитом.

Она почти очнулась. Все тело требовало пищи, еще и еще. Почва под ней стремительно растворялась. Она росла. Какой-то большой предмет оказался на ее поверхности и стал добычей.

Взрыв энергии возле самой поверхности, потом другой, и еще, еще. Она жадно, с благодарностью поглотила эти новые силы и перевела их в массу. Маленькие металлические кусочки ударили о поверхность, и она всосала их кинетическую энергию, превратив ее в массу. Еще взрывы и еще...

Ее ощущения становились все богаче, она начала чувствовать среду вокруг...

Еще один взрыв сильнее предыдущих. Это уже настоящая пища! Ее клетки кричали от голода. С тревогой и надеждой она ждала еще взрывов.

Но их больше не было. Тогда она снова принялась за почву и солнечный свет.

Она ела, росла и расплзалась в стороны.

С вершины небольшого холма Майкхилл смотрел, как рушится его собственный дом, «пиявка», диаметром теперь в несколько сот метров, поглощала крыльцо.

«Прощай, мой домик», – подумал он, вспоминая десять летних сезонов, проведенных здесь.

Крыльцо исчезло, за ним дверь...

Теперь «пиявка» напоминала огромное поле застывшей лавы. Серое, мрачное пятно на зеленой земле.

– Простите, сэр. – Позади него стоял солдат. – Генерал О’Доннел хочет вас видеть.

– Пожалуйста.

Майкхилл бросил последний взгляд в сторону дома и последовал за солдатом через проход в колючей проволоке, протянутой теперь вокруг «пиявки» диаметром в полмили. По всей ее длине стояли солдаты, удерживая репортеров и любопытствующих. Майкхилл удивлялся, как это ему еще разрешили проходить за ограждение. Может быть, потому, что все это как-никак произошло на его земле.

В палатке за маленьким столиком сидел генерал О’Доннел. Жестом он предложил Майкхиллу сесть.

– Мне поручили избавиться от этой «пиявки», – сказал он.

Майкхилл молча кивнул. Когда научная работа поручается вояке, комментарии излишни.

– Вы ведь профессор, не так ли?

– Антропологии.

– Прекрасно. Прикуривайте. – Генерал протянул зажигалку. – Мне бы хотелось оставить вас тут в качестве консультанта. Я очень ценю ваши наблюдения над... – он улыбнулся, – над врагом.

– Я с удовольствием останусь, – сказал профессор Майкхилл, – но вам, скорее, нужен физик или биохимик.

– Не хочу устраивать здесь ученую суматоху. – Генерал нахмурился, глядя на кончик своей сигареты. – Не поймите меня превратно. Я с большим уважением отношусь к науке. Я сам, если можно так выразиться, ученый солдат. Сейчас выиграть войну без науки невозможно. – Тут загорелое лицо О’Доннела стало каменным. – Но я не хочу, чтобы команда длинноволосых крутилась целый месяц вокруг этой штуки и задерживала меня. Мое дело уничтожить ее – любым способом и немедленно.

– Думаю, это не так просто, – произнес Майкхилл.

– Вот потому-то вы мне и нужны. Объясните мне, почему не просто, а я уж соображу, как с ней разделиться.

– Пожалуйста. Насколько я понимаю, «пиявка» является органическим преобразователем энергии в массу. Этот преобразователь чрезвычайно эффективен. Скорее всего, у него два цикла работы. Сначала она массу превращает в энергию, а затем – энергию в массу уже собственного тела. Но может и сразу энергию переводить в массу тела. Как это происходит, я не знаю.

– Короче, против нее нужно что-нибудь солидное, – перебил О’Доннел. – Отлично, кое-что у меня здесь найдется.

– Наверно, вы неправильно меня поняли, – сказал Майкхилл. – «Пиявка» питается энергией. Она усвоит и использует силу любого оружия.

– Что же произойдет, если она будет продолжать есть? – спросил генерал.

– Я не знаю, до каких размеров она может вырасти, – сказал Майкхилл. – Ее рост можно ограничить, лишь не давая ей есть.

– Вы хотите сказать, что она может вот так расти до бесконечности?

– Она вполне может расти до тех пор, пока ей есть чем питаться.

– Ну что ж, это настоящая дуэль, – сказал О’Доннел. – Но неужели с ней не справиться силой?

– Выходит, нет. Лучше всего вызвать сюда физиков и биологов. Они, наверное, смогли бы сообразить, как с ней обойтись.

Генерал вынул изо рта сигарету.

– Профессор, я не могу тратить время попусту, пока ученые спорят. Я следую своей аксиоме. Могу вам ее сообщить. – Он сделал многозначительную паузу. – Ничто не может устоять перед силой! Приложите достаточную силу, и что угодно уступит. Что угодно! Вы думаете, «пиявка» устоит перед атомной бомбой?

– Не исключено, что ее можно перегрузить энергией, – с сомнением произнес Майкхилл. Он только теперь понял, зачем понадобился генералу. Наука без полномочий – это вполне устраивало О’Доннела.

После долгого перерыва пищи опять стало много. Радиация, вибрация, взрывы, какое восхитительное разнообразие. Она поглощала все. Но пища поступала слишком медленно. Голодные, только что рожденные клетки требовали еще и еще... Скорее! Вечно голодное тело кричало.

Теперь, когда она стала больше, ее чувства обострились. И она ощутила, что неподалеку собрано в одном месте огромное количество пищи. «Пиявка» легко взмыла в воздух, пролетела немного и рухнула на лакомый кусок.

– Идиоты! – Генерал О’Доннел был взбешен. – Какого дьявола они поддались панике?! Можно подумать, что их ничему не учили!

Большими шагами он мерил землю возле новой палатки, в трех милях от того места, где стояла старая.

«Пиявка» выросла до двух миль в диаметре. Пришлось эвакуировать три фермерских хозяйства.

Профессор Майкхилл все еще не мог отделаться от кошмарного воспоминания. Эта тварь приняла массированный удар всех видов оружия, а затем ее тело неожиданно поднялось в воздух. На мгновение она заслонила солнце, повисла над Норт-Хиллом – и рухнула вниз.

Солдаты в Норт-Хилле могли разбежаться, но, перепуганные насмерть, так и не сдвинулись с места.

Потеряв в операции «Пиявка» шестьдесят семь человек, генерал О’Доннел попросил разрешения пустить в ход атомную бомбу. Вашингтон прислал группу ученых для исследования ситуации.

– Эти эксперты все еще не приняли решения? – О’Доннел в раздражении остановился перед входом в палатку. – Они слишком долго разговаривают.

– Принять решение очень трудно, – сказал Майкхилл. Он не был включен в комиссию, поэтому, высказав свои соображения, вышел из палатки. – Физики считают, что это живое существо, а биологи, кажется, думают, что на все вопросы должны ответить химики. Никто не может считать себя специалистом по этим штукам.

– Это военная проблема, – хрипло сказал О’Доннел. – Меня не интересует, что это такое. Я хочу знать, как ее уничтожить. Они бы лучше дали мне возможность использовать атомную бомбу.

Профессор Майкхилл проделал кое-какие расчеты. Прикинув скорость, с какой «пиявка» поглощала энергию-массу, ее размеры и очевидную способность расти, он пришел к выводу, что атомная бомба могла бы перегрузить ее энергией. Но – только в самое ближайшее время.

Взорвать бомбу нужно было в течение максимум трех дней. «Пиявка» росла в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев она должна была покрыть всю территорию Соединенных Штатов.

– Я целую неделю добивался разрешения, – громыхнул О’Доннел. – И я получу его, но для этого мне приходится ждать, пока эти ослы наговорятся. – Он остановился и повернулся

к Майкхиллу. – Я уничтожу эту «пиявку». Я разнесу ее вдребезги. Это касается уже не только интересов безопасности. Это задевает лично меня.

Из палатки вышла группа усталых людей. Впереди шел Аленсон – биолог.

– Итак, – сказал генерал, – вы выяснили, что это такое?

– Подождите еще минутку. Я отрежу от нее кусочек, – зло ответил Аленсон.

– Ну а придумали вы какой-нибудь научный способ ее уничтожения?

– О, это было нетрудно, – сухо произнес Мориарти, физик-атомщик. – Заверните ее в абсолютный вакуум. И все будет в порядке. Или сдуньте с Земли – антигравитацией.

– Если же вы не можете этого сделать, – сказал Аленсон, – мы можем предложить вам попробовать ваши бомбы, только побыстрее.

– Таково мнение всей вашей группы? – спросил О’Доннел.

– Да.

Майкхилл подошел к ученым.

– Ему следовало сразу нас вызвать, – пожаловался Аленсон. – А теперь уже нет времени раздумывать.

– Вы пришли к какому-нибудь мнению о ее природе? – спросил Майкхилл.

– К самому общему, – сказал Мориарти, – и оно практически совпадает с вашим. «Пиявка», скорее всего, космического происхождения. Во всяком случае мы должны радоваться, что она не упала в океан. Земля под нами была бы съедена раньше, чем мы поняли бы, в чем дело.

Заключение комиссии, состоявшей из одних ученых, было проверено комиссией, состоявшей из других ученых. На это ушло несколько дней. Затем Вашингтон захотел узнать, нет ли другого выхода и обязательно ли рвать атомные бомбы в центре штата Нью-Йорк. Потом надо было эвакуировать людей. На это тоже ушло время.

Наконец тупорылая ракета-разведчик взмыла над Нью-Йорком. Серовато-черное пятно, напоминающее гноящуюся рану, протянулось от Тихого озера до Элизабеттауна, покрыв долины Куин и Куин-Вэлли, краями выплескиваясь на гребни ближайших гор.

Первая бомба полетела вниз.

Ошеломляющий взрыв!

Все вокруг наполнилось пищей, но теперь появилась опасность пресытиться. Энергия лилась непрерывным потоком, пронизывала «пиявку» насквозь, сплющивала ее, и «пиявка» бешено росла. Она была еще слишком мала и быстро достигала предела насыщения. Но в перенапряженные клетки, наполненные до отказа, вливали еще и еще энергию.

Она устояла.

Следующие порции были восхитительны на вкус, и с ними она легко справилась. «Пиявка» росла, ела и снова росла.

О’Доннел отступил вместе со своей полностью деморализованной командой. Новый лагерь разбили в десяти милях от южного края «пиявки», в опустевшем городке. Теперь диаметр «пиявки» равнялся шестидесяти милям, а она все росла.

Двухсотмильная зона в округе была эвакуирована.

Генералу О’Доннелу разрешили использовать и водородные бомбы – при условии одобрения со стороны ученых.

– Почему они медлят? – кипел генерал. – «Пиявку» надо немедленно разнести вдребезги. Чего они крутят?

– Они боятся цепной реакции, – ответил Майкхилл. – Такая концентрация водородных бомб в состоянии вызвать ее в земной коре или атмосфере. Могут быть и другие неприятные последствия.

– Что же, они хотят, чтобы я организовал штыковую атаку? – презрительно проговорил О’Доннел.

Майкхилл вздохнул и уселся в кресло. Он был убежден, что вся затея в принципе порочна. Государственные эксперты шли по одному-единственному пути. Давление на них было столь велико, что нечего было и думать о поиске других путей, кроме применения силы. «Пиявке» же именно это и надо.

Майкхилл был уверен, что порой бороться огнем против огня – не лучший способ.

Огонь. Локи – скандинавский бог огня. И мошенников... Нет, ответ здесь вряд ли сыщешь. Но Майкхилл уже бродил мысленно по мифам разных народов, отвлекаясь от невыносимой действительности.

Вошел Аленсон, за ним еще шестеро.

– Итак, – сказал Аленсон, – есть отличная возможность расколоть нашу планету пополам.

– Война есть война, – коротко отрубил О’Доннел. – Итак, вперед?

И вдруг Майкхилл понял, что О’Доннела действительно не беспокоит, что будет с Землей. Багроволицего генерала волновало лишь то, что он устроит поистине небывалый взрыв, какого еще не устраивала рука человека.

– Не так быстро, – сказал Аленсон. – Пусть каждый выскажет свое собственное мнение.

– Помните, – прошипел генерал, – по вашим же собственным выкладкам «пиявка» прибавляет каждый час по двадцать футов.

– И скорость эта все время растет, – сказал Аленсон, – но решение, которое мы должны принять, слишком серьезно.

Майкхилл подумал о громах и молниях Зевса. Это сейчас как раз и необходимо. Или сила Геркулеса. Или...

От неожиданной мысли он выпрямился в кресле.

– Джентльмены, мне кажется, я могу предложить вам другое решение. Вы когда-нибудь слышали об Антее?

Чем больше она ела, тем быстрее росла, тем голоднее становилась. Многое теперь ожило в ее памяти. Когда-то она съела планету. Потом направилась к ближайшей звезде и сожрала ее, насытив клетки энергией для дальнего путешествия. Но больше пищи поблизости не было, а следующая звезда горела безумно далеко.

Масса была превращена в энергию полета и растрочена на долгом пути.

Она стала безжизненной спорой, бесцельно летящей среди звезд.

Так было. Но только ли это было? Ей казалось, что она припоминает гораздо более ранние времена. Ей чудились вселенные той поры, когда они еще были равномерно наполнены звездами. Она прогрызала целые звездные коридоры, росла, разбухала. И звезды в ужасе шаркались в стороны, сбиваясь в испуганные галактики и созвездия.

Или ей все это приснилось?

Методично она пожирала Землю, удивляясь, куда же делась богатая, сытная пища. И вот пища снова была здесь, возле нее, но на этот раз сверху.

Она ждала, но мучительно притягивающая еда оставалась недостижимой. О, как ясно она ощущала, насколько эта еда чиста и питательна.

Почему она не падает?

Наконец «пиявка» поднялась всей своей громадой и устремилась к ней сама.

Еда улетала от поверхности планеты. «Пиявка» последовала за ней.

Мучительно сладостный, дразнящий кусок улетал в космос, и она следовала за ним. Но в космосе она ощутила близость еще более богатого источника еды.

О’Доннел разносил ученым шампанское. Официальный обед должен состояться попозже, а пока необходимо отметить победу.

– Предлагаю выпить, – торжественно произнес генерал. Все подняли бокалы. Этого не сделал только лейтенант за пультом управления полетом ракеты. – За профессора Майкхилла, за то, что он придумал... как его, скажите-ка еще раз, Майкхилл.

– Антей. – Майкхилл медленно тянул шампанское, но чувства восторга не испытывал. – Антей, рожденный Геей, богиней Земли, от Посейдона, бога моря. Непобедимый богатырь. Каждый раз, когда Геркулес бросал его на Землю, он снова поднимался, полный новых сил. Пока Геркулес не оторвал его от матери.

Мориарти что-то бормотал себе под нос, быстро перебрасывая движок логарифмической линейки и что-то записывая. Аленсон молча пил, но и он выглядел не очень веселым.

– Поехали, что же вы нахохлились. – О’Доннел наливал еще и еще. – Потом досчитаете, бросьте. Сейчас надо выпить! – Он повернулся к оператору. – Как там дела?

Мысли Майкхилла вернулись к ракете. Снаряд с дистанционным управлением, до отказа набитый радиоактивными веществами. Он висел над «пиявкой», пока она не последовала за ним, поддавшись на приманку. Антей оторвался от матери-Земли и начал терять силы. Оператор так вел космический корабль, чтобы тот был все время поблизости от «пиявки», но в то же время она не могла им завладеть.

Корабль и «пиявка» летели навстречу Солнцу.

– Отлично, сэр, – отрапортовал оператор, – сейчас они уже внутри орбиты Меркурия.

– Господа, – сказал генерал, – я поклялся разнести эту штуку. Другим, более прямым способом, но это не важно. Главное – уничтожить. Разрушение иногда – священное дело. Сейчас это именно так, господа, и я счастлив.

– Поворачивайте корабль! – закричал вдруг Мориарти. Он был бледен как снег. – Поверните эту проклятую ракету!

Он потрясал перед их глазами листками с цифрами.

Цифры легко было разобрать. Скорость роста «пиявки». Скорость потребления ею энергии. Рост энергии, поступающей от Солнца, по мере приближения к нему.

– Она сожрет Солнце, – спокойно произнес Мориарти.

Комната превратилась в ад. Все шестеро одновременно пытались объяснить О’Доннелу, в чем дело. Потом Мориарти пытался один. И наконец Аленсон.

– Она так быстро растет, а скорость у нее такая маленькая и она поглощает так много энергии, что, когда она доберется до Солнца, размеры позволят ей с ним справиться. Или, по крайней мере, расправиться, побыв некоторое время с ним рядом.

О’Доннел повернулся к оператору и скомандовал:

– Заверните их!

Все в напряженном ожидании застыли перед экраном радара.

Пища неожиданно свернула с ее пути и скользнула в сторону. Впереди был огромный источник еды, но до него еще далеко. Другая пища повисла совсем рядом, мучительно близко.

Ближайший или далекий?

Все тело требовало: сейчас, немедленно.

Она двинулась к ближайшей порции, прочь от Солнца. Солнце никуда не денется.

Раздался вздох облегчения. Опасность была слишком реальна.

– В какой части неба они сейчас находятся? – спросил О’Доннел.

– Думаю, я смогу вам показать, – ответил астроном. – Где-то вон в той части, – показал он рукой, подходя к открытой двери.

– Превосходно. Лейтенант! – О’Доннел обернулся к оператору. – Давайте!

Ученые остолбенели от неожиданности. Оператор поколдовал над пультом, и капля начала догонять точку. Майкхилл двинулся было через комнату к пульту.

– Стоп! – рявкнул генерал, его командирский голос остановил антрополога. – Я знаю, что делаю. Корабль специально для этого выстроен.

Капля на экране догнала точку.

– Я поклялся уничтожить «пиявку», – сказал О’Доннел. – Мы никогда не будем в безопасности, пока она жива. – Он улыбнулся. – Не посмотреть ли нам на небо?

Генерал направился к дверям. Молча все последовали за ним.

– Нажмите кнопку, лейтенант!

Оператор выполнил приказ. Все молча ждали.

В небе повисла яркая звезда. Ее блеск рассеял ночь, она росла, потом стала медленно гаснуть.

– Что вы сделали? – выдохнул Майкхилл.

– В ракете были водородные бомбы, – торжествующе пояснил О’Доннел. – Ну как, есть там что-нибудь на экране, лейтенант?

– Ни пылинки, сэр.

– Господа, – сказал генерал, – я встретил врага и победил. Выпьем шампанского, господа, у нас есть повод!

Майкхилл неожиданно почувствовал приступ тошноты.

Она содрогнулась от страшного потока энергии. Нечего было и думать удержать такую дозу. Долю секунды ее клетки еще сопротивлялись, затем перенасытились и были разорваны.

Она была уничтожена, растерта в порошок, раздроблена на миллионы частиц, которые тут же дробились еще на миллионы других. На споры.

Миллиарды спор летели во все стороны. Миллиарды.

Они хотели есть.

Поединок разумов

Глава первая

Квидак наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний – развалины городов, смерть тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается *космический корабль*. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могучий инстинкт высшей цели сохранился и после того, как истончилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые дюзы, чтобы выровняться, и, подняв облачко пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак самолюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил доползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля «Южный Крест», был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археологической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город – вроде того, что экспедиция «Поляриса» открыла на Южном полюсе. Тут был только песок, да несколько чахоточных кустиков, да пара-другая покатых пригорков. Их лучшим трофеем за все это время стали три глиняных черепка.

Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

– Что хорошего? – окликнул их Йенсен.

– Да вот только, – ответил инженер-механик Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

– И на том спасибо, – сказал Йенсен. – А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

– Фотографии местности и больше ничего.

– Ладно, – произнес Йенсен. – Валите все в стерилизатор, и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо.

– Капитан, разрешите одну-единственную коротенькую вылазку к северу – вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

– Исключено, – возразил Йенсен. – Топливо, продовольствие, вода – все рассчитано точно на десять дней. Это на три дня больше, чем было у «Поляриса». Стартуем вечером.

Инженер и штурман согласно кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и маленькую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор, закрутили крышку и под-

нялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задраил внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

– Постой! – крикнул Йенсен.

– Что такое?

– Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде большого клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

– Заверни-ка штурвал, – сказал капитан. – Уилкс, ты ничего такого не заметил?

– Ничегошеньки, – ответил штурман. – А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми здесь и не пахло.

– Что-то я видел, готов поклясться, – сказал Йенсен. – Но, может, просто почудилось... Все равно надо продезинфицировать одежду перед тем, как войти. Не стоит рисковать – не дай бог, прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

– Ничего, – наконец констатировал Йенсен. – Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стенки. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, как корабль вздрогнул. Весь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался то в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скудный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере, до тех пор, пока существовала возможность достичь высшей цели Квидака.

Прошло время, и он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на Дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на Дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методично опрыскивая помещения по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке: никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первая лунная экспедиция.

– Неужели все это и вправду нужно? – спросил младший дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в Диспетчерскую службу).

– А то как же, – ответил старший. – На таких кораблях можно завести черт знает что.

– Пожалуй, – согласился младший. – А все-таки марсианская жизнь, если она, конечно, есть, вряд ли на Земле уцелеет. Я прав?

– Откуда мне знать? – изрек старший. – Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

– Только время даром тра... Эге!

– В чем дело? – спросил старший.

– По-моему, там что-то есть, – сказал младший. – Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор поплотнее закрепил маску и знаком показал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от заплечного баллона, и, нажав на спуск, распылил облако зеленоватого газа.

– Ну вот, – произнес он, – на твоего жука хватит. – Став на колени, он заглянул под выступ: – Ничего нет.

– Видно, померещилось, – сказал помощник.

Они на пару обработали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

– Что дальше? – спросил помощник.

– Дальше корабль простоит закупоренным трое суток, – ответил старший дегазатор, – после чего мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в эдаких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отцепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются двуногие темные фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем – отдых; основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно не хватает, – сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до проволочной ограды и ощутил, что по проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил в ячейку.

Этот участок оказался совсем другим. Квидак почувствовал близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед – и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И что-то еще, куда более грозное.

– Кто там? – окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделию назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями от ЭВМ, ожидавшими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился – старик с зорким взглядом и крепкой хваткой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул желтыми искрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель – Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

– Выходи, а то хуже будет! – крикнул охранник.

Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки Шанхай), партию электропил для Бирмы – и замер.

– Тьфу ты, черт, – пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах она держала какого-то необычно большого таракана.

– Приятного аппетита, – сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь сцапал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спинке. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в протрацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь.

Квидак собрал последние силы и, распрямив свой длинный, в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а зверь принялся кружить вокруг него, не желая упустить добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым – первым на всей планете, – приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак увернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине. Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче – пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под кожу.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, старательно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельным.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости он при этом не испытывал – Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз смог протиснуться.

Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от смазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений сон Квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

Глава вторая

1

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносился грохот ржавого дизеля марки «Элисон-Чемберс». Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигавшийся риф.

– Что-нибудь видно? – спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого груза проделала путь от самого Огденсвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

– Ничего, – ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно-белый коралловый барьер, высматривая синий про-свет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того как им овладела страсть к путешествиям, он работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров; сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффектное смертоубийство, бросив судно на рифы.

– По-прежнему ничего! – крикнул он. – Банки по курсу!

– Пусти-ка меня, – сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

– Ничего, – повторил помощник. – Капитан, лучше развернуться.

– Нет, а то не проскочим, – ответил капитан.

Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам на Нью-Джорджию и на Маланту и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Каледонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

– Вот он! – заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов, и старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет: верхний рей грот-мачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и прыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

– Чистая работа, – произнес он.

– Ничего себе чистая! – взвыл помощник и отвернулся. По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч¹. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к стволам пальм. Из начинавшихся сразу за пляжем джунглей появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне под полуденным солнцем.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии наградило его не загаром, а ожогами – у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластыря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и невероятно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

– Рад вас видеть! – крикнул высокий. – А мы уж было решили, что вы совсем стинули.

– Еще чего, – ответил капитан. – Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

– Очень рад, профессор, – сказал помощник.

– Я не профессор, – поправил Соренсен, – но все равно спасибо.

– Где остальные? – поинтересовался капитан.

– Там, в лесу, – ответил Соренсен. – Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

– Только разгрузюсь, – сказал капитан. – Нужно поспеть к отливу. Как сокровища?

– Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

– Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

– Ни единого, черт вас побери, – устало промолвил Соренсен. – Вы привезли газеты, капитан?

– А как же, – ответил тот. – Они у меня в каюте. Вы слышали о втором корабле на Марс?

– Слышал, передавали на коротких волнах, – сказал Соренсен. – Не очень-то много они там нашли.

– Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слыхал, собираются запустить еще один – на Венеру.

¹ Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100–200 тонн.

Все трое огляделись и ухмыльнулись.

– Да, – сказал капитан, – по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до этого места и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

«Этим местом» был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Это был остров вулканического происхождения, довольно большой – около двадцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с полдюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работорговцев в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы перебрались на Нью-Джорджию. Во время Второй мировой войны тут устроили наблюдательный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов, и прокатилось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляционную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети виноторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похозяйничать на Вуану.

У Соренсена была страсть – охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне – Забытый Рудник Голландца. Ни того ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло несколько больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась много дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галеон «Святая Тереза». По свидетельствам современников, судно отплыло из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф. Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровище. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом на Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Малаите. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что «Святая Тереза», по всей вероятности, умудрилась проплыть между Соломоновыми островами чуть ли не до архипелага Луизиада и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка – еще одного из той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее, – владельца пятидесятипятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они выбрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, собрали снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании мог быть захоронен тайник. Наконец согласовали отпуска, и экспедиция отбыла по назначению.

Они вот уже три месяца работали на Вуану и пребывали в добром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнули какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что если они чего недосчитаются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик – в нем был детектор металла – благополучно переправили через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дыру с двадцатицентовую монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

– Что стряслось? – спросил он.

– Дырка в ящике, – ответил Соренсен. – Может, попала морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

– Давай вскроем и поглядим, – кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загорелый брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена, которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

– Не спеши, – остановил его Соренсен. – Оттащим-ка сперва его в лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

– И то верно, – согласился Дрейк. – Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладоискатели сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры, крытый оцинкованным железом, – в нем они держали припасы. Сюда даже долетал слабый ветерок с моря. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан – он сопровождал их и нес газеты – посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

– Не хотите промочить горло, капитан? – спросил Соренсен. – Вот только льда у нас нет.

– Не откажусь, – сказал капитан. Он не мог понять, что за сила гонит людей в такую забытую богом дыру в погоне за мифическими испанскими сокровищами.

Соренсен вынес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрыл ящик.

– Как на вид? – спросил Соренсен.

– Нормально, – ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор. – Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

– В чем дело? – спросил Соренсен.

– Похоже, скорпион, – сказал капитан. – Выполз прямо из вашего ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

– Повторить? – предложил он.

– И хочется, да нельзя, – вздохнул капитан. – Пора отчаливать. У вас все здоровы?

– Пока что все, – ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил: – Если не считать запущенных случаев золотой лихорадки.

– Здесь вам ни в жизнь золота не найти, – убежденно произнес капитан. – Через полгодика загляну вас проведать. Удачи!

Обменявшись рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали

его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

- Ну, – сказал Дрейк, – вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, снова одни.
- Тебе не кажется, что он что-то почуял? – спросил Соренсен.
- Уверен, что нет. Мы для него – безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пятьдесят тысяч долларов. Их откопали в джунглях, перенесли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила часть сокровищ со «Святой Терезы», и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие золота бродяги от Перта до Папеете все как один ринутся на Вуану.

- Скоро и ребята придут, – сказал Дрейк. – Поставим мясо тушиться.
- Самое время, – ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился: –

Странно.

- Что странно?
- Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.
- Значит, капитан промазал, – сказал Дрейк. – А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за забота?
- Да в общем никакой, – согласился Соренсен.

2

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного – и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то зашуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами. Он не умел располагать к себе и понимал, как ему повезло, что его взяли в экспедицию. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Неменьшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радистом и вообще мастером на все руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, это теперь уже не считалось. Вот если б найти какой-нибудь способ...

В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на лагерной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встречи с людьми.

- Шла бы ты себе домой, – посоветовал Икинс мыши.

Мышь уставилась на Икинса. Икинс уставился на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

- Пока, мышенция, – сказал Икинс, – некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо и повернулся, чтобы идти. Поворачиваясь, он краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

– Ты что, спятила? – осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

– А ну, вали отсюда к чертовой матери, – сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготовилась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрепя сердце осторожно добил.

– Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле, – произнес он. Но мышь не походила на бешеную – она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью – такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил ему впредь ходить с ружьем – на случай, если мышиная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопили лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

– Видимо, детектор наврал, – сказал, устало вытирая лицо, Кейбл, дородный человек с младенчески-розоватой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил тропический лишай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного – поскорей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

– С детектором все в порядке, – возразил Соренсен. – Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

– Можно подумать, на все сто футов, – отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

– Что ты, – сказал Соренсен, – под нами базальтовая скала, а до нее самое большее двадцать футов.

– Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

– Пришлось бы выложить круглую сумму, – примирительно ответил Соренсен. – Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная, безобразного вида птица.

– Это что еще за диковина? – спросил Кейбл.

– Казуар.

– Ну так наподдадим ему, чтоб не торчал на дороге, и пойдем себе.

– Полегче, – предупредил Соренсен. – Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались внушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-зеленофиолетовая борода.

– Он опасный? – спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

– На Новой Гвинее эти птицы, случалось, насмерть забивали аборигенов.

– Почему мы до сих пор его не видали?

– Обычно они очень робкие, – объяснил Соренсен, – и держатся от людей подальше.

– Этого-то робким не назовешь, – сказала Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу. – Мы сможем удрать?

– Они бегают много быстрее, – ответил Соренсен. – Ружья ты с собой, конечно, не взял?

– Конечно нет. Кого тут стрелять?

Пятясь, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах хрустнуло, и появился муравьед. Следом вылезла дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

– Они нас гонят! – Голос Кейбла сорвался на визг.

– Спокойнее, – сказал Соренсен. – Остерегаться нужно одного казуара.

– А муравьеды опасны?

– Только для муравьев.

– Черта с два, – сказал Кейбл. – Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

– Помню, – ответил Соренсен.

Они отступили до конца вырубки. Спереди напирала свинья во главе с казуаром, за спиной были джунгли и то неизвестное, к которому их оттесняли.

– Придется рискнуть и пойти на прорыв, – сказал Соренсен.

– Проклятая птица загородила дорогу.

– Придется ее сбить, – решил Соренсен. – Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, не в силах выбрать, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плашмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем снес казуару голову. Тут на него накнулись муравьед и свинья. От них он отбил лопатой. Затем – и откуда только силы взялись? – наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

– Где Дрейк? – спросил Соренсен.

– На той стороне, удит рыбу на северном берегу, – ответил Том Рисетич. – Сбегать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

– Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись. Затем раздадим оружие. А уж затем попробуем найти Дрейка.

– Послушай, что у нас тут происходит? – спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправился на ловлю с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и нахальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удил на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным суще-

ством неопределенной породы – отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

– Не лезь к крабам, – крикнул Дрейк, – доиграешься: снова клешни отведаешь!

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

– Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко гавкнул. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрала в заросли.

– Тихо, старина, – сказал Дрейк. – Смотри, какая скверная ранка! В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскроем.

Он крепко обнял пса – тот часто и быстро дышал – и извлек кортик. Однажды ему уже приходилось оперировать Оро – в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикобраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

– Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно нажал и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Высвободив руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

– Стоять! – крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что «скорпион» снова вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем пес носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на «скорпиона».

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в «скорпиона», но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду.

Дрейк ринулся к океану. Оро попытался ему помешать, но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уповая, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

3

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы, извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Раздали патроны. Мигом разобрали все имевшиеся мачете и топоры. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собрались идти искать Дрейка, но тут он сам выплыл из-за мыса, неутомимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невредимый. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – спросил Кейбл, – что все это вытворяет какая-то букашка?

– Похоже на то, – ответил Соренсен. – Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием – с помощью, там, гипноза или, может быть, телепатии.

– Сперва ему нужно ужалить, – добавил Дрейк. – С Оро так и случилось.

– У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион, – сказал Рисетич.

– Это не скорпион, – возразил Дрейк. – Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и тельце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такого не доводилось встречать.

– Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? – спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

– Вряд ли, – ответил Дрейк. – Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

– Верно, – сказал Соренсен. – Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то эт... Пойдите!

– Что такое? – спросил Дрейк.

– Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

– Вполне возможно. Но, по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

– Она управляет зверьем, – оказал Бирнс. – Интересно, а человеком она сможет управлять?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или «скорпиона».

Соренсен произнес:

– Имеет смысл попросить по радио о помощи.

– Если попросим, – сказал Рисетич, – кто-нибудь мигом разнюхает про сокровища «Святой Терезы». Нас обставят – чихнуть не успеем.

– Возможно, – ответил Соренсен. – Но и на самый худой конец наши затраты окупятся, набегает даже маленькая прибыль.

– А если нам не помогут, – добавил Дрейк, – мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

– Не так уж все страшно, – возразил Бирнс. – У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

– Ты еще этой твари не видел, – заметил Дрейк.

– Мы ее раздавим.

– Это не так-то легко, – сказал Дрейк. – Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых – они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

– М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

– Ладно, ребята, – сказал, поднимаясь, Бирнс, – я так понимаю, что это по моей части. Дай бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

– Туда идти опасно, – сказал Дрейк. – Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

– Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

– Я смогу, – заявил Дрейк.

– Ты не обижайся, – сказал Икинс, – но ты не сладишь даже с этой твоей дерьмовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь – как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

– Нет, – ответил Дрейк. – Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

– Как ни крути, а самое безопасное – если вы прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав баркас,

столкнул в воду маленькую надувную лодку. Кладоискатели разошлись по берегу с винтовками на изготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные воды лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту помедлил, оглядываясь по сторонам, затем взобрался на борт, дернул крышку люка и исчез внизу.

– Все в порядке? – осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

– Пока что да, – ответил Икинс; голос его звучал тонко и резко. – Включаю передатчик.

Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

– Погляди-ка.

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

– Стреляйте! – скомандовал Соренсен. – Икинс, выбирайся оттуда!

– У меня заработал передатчик, – ответил Икинс. – Минута-другая – и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две уцелевшие успели доплыть до кеча и укрыться за ним. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья – за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

– Икинс, ты отправил сообщение? – спросил Соренсен.

– Нет, Билл, – отозвался Икинс. – И послушай, никаких сообщений не надо! Этому «скорпиону» нужно...

Звук оборвался.

– Что там у тебя? – крикнул Соренсен. – Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

– Раки-отшельники, – объяснил он, – взобрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

– Не стоит, – сказал Соренсен.

– Придется, – возразил Икинс. – По-моему, они припустят за мной. А вы все плывите сюда и заберите передатчик. Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников – серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьедом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

– Живей, – бросил Соренсен. – Не знаю, что там выяснил Икинс, но, пока есть возможность, надо захватить передатчик.

Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти что настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к себе аппарат.

– Икинс, – позвал Соренсен.

– У меня все в порядке, – ответил тот, с трудом переводя дыхание. – Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы!

Кладоискатели поднялись на кеч, поспешно отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Подумал – и спустился еще раз.

– Дрейк! – заорал Соренсен. – Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

– Порядок, – сказал он. – Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

– Меня окружили, – сообщил тот вполголоса. – Похоже, мне таки доведется узнать, что нужно мистеру «скорпиону». Правда, может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

– Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул – скорее от удивления, чем от боли. Соренсен спросил:

– Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

– Он и вправду верткий, – отозвался Икинс своим обычным голосом. – Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Соренсен.

– Хорошо. Было почти не больно.

– Где «скорпион»?

– Удрал в заросли.

– А звери?

– Ушли. Знаешь, – сказал Икинс, – может, людей эта тварь не берет. Может...

– Что? – спросил Соренсен. – Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий спокойный голос Икинса:

– Мы поговорим позднее. А сейчас нам нужно посоветоваться и решить, что с вами делать.

– Икинс!

Ответа не последовало.

4

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а размышлять на эту тему никому не хотелось. С неба било злое слепополуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились; казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя сонную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им оборонять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны – хижин и сарая для копры. Далее – берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой ненадежной полоске берега.

Через плечо Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж насыдет со своим проклятым зверинцем, они смогут удрать на кече. Если повезет.

Подошел Соренсен и присел рядом.

– Что подельываешь? – спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

– Разрабатываю генеральный стратегический план.

– Ну и как?

– Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с острова. – Дрейк на минуту задумался. – Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул:

– Хотел бы я узнать, что ей нужно.

– Может, узнаем от Икинса, – заметил Дрейк.

Пришлось подождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно резко:

– Соренсен? Дрейк?

– Слушаем, – отозвался Дрейк. – Что тебе сделала эта проклятая тварь?

– Ничего, – ответил Икинс. – Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

– Господи, – обратился Дрейк к Соренсену, – видно, «скорпион» его загипнотизировал.

– Нет. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом – его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

– Я что-то не пойму, – сказал Дрейк.

– Это очень просто, – ответил голос Икинса. – Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

– погоди, – перебил Соренсен, – я хочу разобраться. Значит, я сейчас разговариваю *не* с Икинсом. Я разговариваю – как это – с Квидаком?

– Правильно.

– И вы – это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

– Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальности стираются. Совсем наоборот. Квидак – это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак – координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки – все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

– Сообщество? – переспросил Дрейк. – Но вы же добиваетесь этого принуждением!

– На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают про Великое Сообщество?

– А они в нем останутся, если вы отключите контроль? – спросил Дрейк.

– Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и неделимую совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

– Это не одно и то же.

– Одно и то же, – произнес голос Икинса. – Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

– К чертовой матери! – отрезал Дрейк.

– Но вы просто обязаны влиться, – настаивал Квидак. – Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый совокупный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

– Нет!

– Жаль, – произнес Квидак. – Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

– Ни за что! – ответил Дрейк.

– В таком случае мы сольемся с *вами*, – сказал Квидак.

Раздался щелчок – он выключил устройство.

Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их не могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

– Открывайте огонь, – скомандовал Дрейк, – но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс, да еще на фоне серовато-коричневой почвы, было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая недюжинную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

– Гнусный предатель, – сказал Кейбл, ловя его на мушку.

Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

– Не смей!

– Но ведь он помогает этой твари!

– От него это не зависит, – сказал Соренсен. – К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях. Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии прицеливаться стало легче, и рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

– А знаешь, – сказал Дрейк, – мне кажется, мы выкрутимся.

– Возможно, – ответил Соренсен. – Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

– Глядите! – крикнул кто-то из обороняющихся. – Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл к кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось – сперва легко, потом крепче и через минуту, резко накренившись, прочно засело в кораллах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли. Квидак сообщил:

– Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

– Черта с два, – огрызнулся Дрейк. – А если в нем, чего доброго, пробило сквозную дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

– В свое время я непременно отбуду, – сказал Квидак. – И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли все вместе.

5

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро обедали в сарае для копры. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

– На ночь придется всех загнать в сарай, – сказал Дрейк. – Рисковать слишком опасно – в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

– А утром разработаем какой-нибудь план, – продолжал Дрейк. – Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

– По-твоему, у нас есть какие-то шансы? – спросил Соренсен.

– А как же! Отличные шансы.

– Ты рассуждай практически, – сказал Соренсен. – Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

– Выследить его и убить.

– Проклятая тварь не крупней твоего большого пальца, – раздраженно возразил Соренсен. – Как прикажешь его выслеживать?

– Что-нибудь да придумаем, – сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

– Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу, – сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

– Мне она тоже на нервы действует, – признался Дрейк. – Может, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

– Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

– Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуану, нам нужна...

– Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! – оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

– Прошу по радио о помощи – вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но они мне еще не ответили.

Он повертел ручку настройки, и из приемника прозвучал скучающий голос с английским акцентом:

– Значит, пешка d2-d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

– Твой ход. Заткнись и ходи.

– Хожу, хожу, – произнес голос с английским акцентом. – Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители – плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир – поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

– Внимание, – произнес он, – вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

– Мы не можем просить о помощи, – сказал он.

– Что ты мелешь? – закричал Кейбл. – Мы должны просить!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

– Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

– А мы объясним им, что происходит, – возразил Кейбл.

– Объясним? Что именно?! Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

– Дэн прав, – сказал Соренсен. – В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

– А к тому времени, – добавил Дрейк, – будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

– Тогда зачем он сказал, чтоб забрали передатчик?

– Затем, чтобы он не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомукает, – ответил Дрейк. – Чем больше народа кругом, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь у него передатчик, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

– Да, так оно вроде и выходит, – безнадежно признал Кейбл. – Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

– Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова – конец Землематушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьего сообщества.

– Так или иначе, а помощь нам нужна, – стоял на своем Кейбл. – Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

– Не выйдет, – отрезал Дрейк. – К тому же если б и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

– Почему?

– Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

– А принимает нормально, – возразил Кейбл.

Дрейк проверил, все ли включено.

– Приемник в порядке. Но, видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место.

Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем и плантатором с Бугенвиля.

– Пешка с4.

– Пешка е6.

– Конь с3.

Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова помехи тремя отчетливыми очередями.

– Как ты думаешь, что это? – спросил Соренсен.

Дрейк пожал плечами:

– Может быть все, что угодно. Собирается шторм и...

Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что, едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.

– Любопытно, – сказал он. – Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.

– Видел, – ответил Соренсен. – Думаешь, это не случайно?

– Не знаю. Нужно проверить.

Дрейк вытащил бинокль, прибавил в динамике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, который происходил за три-четыре сотни миль от острова:

– Ну, давай ходи!

– Дай же подумать минуту.

– Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...

Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шажком вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно – как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне противника. Свиньи остановились – помехи кончились. Караульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и под треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять – райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.

Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.

– Точно, – сказал он. – Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.

– По-твоему, он управляет ими по радио? – спросил Соренсен.

– Похоже на то, – ответил Дрейк. – Либо напрямую по радио, либо посылает приказы на длине радиоволн.

– В таком случае, – сказал Соренсен, – и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?

– Конечно. Ну и что?

– А то, – пояснил Соренсен, – что его можно запеленговать.

Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернул рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернул мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

– Ну как? – поинтересовался Соренсен. – Это Квидак?

– Должен быть он, – ответил Дрейк. – Я засек твердый ноль почти точно на юге. Он прямо перед нами, в джунглях.

– А это не отраженный сигнал?

– Я взял контрольный пеленг.

– Может, это какая-нибудь радиостанция?

– Исключено. Следующая станция прямо на юге – Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многовато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

– Стало быть, у нас есть способ его обнаружить, – сказал Соренсен. – Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами.

– И расстанутся с жизнью, – закончил Дрейк. – Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрее. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

– Выходит, это нам ничего не дает, – сказал Соренсен с убитым видом.

– Дает, и много, – возразил Дрейк. – Теперь у нас появилась надежда.

– То есть?

– Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

– Ты уверен?

– Уверен? Конечно нет. Но я знаю, что две радиостанции в одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

– Понимаю, – сказал Соренсен. – Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверьем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

– Хороший план, – сказал Дрейк, – но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи – глушения.

– Ты сумеешь его починить? – спросил Соренсен.

– Попробую, – ответил Дрейк. – Но особенно не надейся. Всеми радиодеталями в экспедиции заведовал Икинс.

– У нас есть запчасти, – сказал Соренсен. – Лампы, инструкции...

– Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени намерен нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозowych туч и растворились в коротких тропических сумерках.

Кладоискатели принялись укреплять на ночь дверь и окна сарая.

6

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были, скорее всего, конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил рацию и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы – одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли рация достаточно питания?

Он выключил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцовые колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошептал льстивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятием выключил его в очередной раз.

Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запчастей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае – заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха – в противном случае кладоискатели просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых.

Через плоскую крышу из оцинкованного железа ничто не могло приникнуть, но земляной пол, хоть и был хорошо утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно – не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на ночь, которая обещала быть долгой. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство.

Соренсен ответил на вызов:

– Что вам нужно?

– Мне нужно, – произнес Квидак голосом Икинса, – чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

– Мы не хотим с вами сливаться, – сказал Соренсен.

– Вы должны, – заявил Квидак.

– Вы собираетесь нас заставить?

– Это сопряжено с трудностями, – ответил Квидак. – Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс – замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергаться опасности – это поставит под угрозу высшую цель Квидака.

– Получается тупик, – заметил Соренсен.

– Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

– Мне бы не хотелось вас убивать, – продолжал Квидак. – Но все решает высшая цель Квидака, а она подвергнется риску, если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы или вольетесь, или будете ликвидированы.

– Мне это видится по-другому, – сказал Соренсен. – Если вы нас убьете – допустим, вы в состоянии нас убить, – вам ни за что не выбраться с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

– Отплывать на кече нет никакой необходимости, – возразил Квидак. – Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

– Вы нас запугиваете, – сказал Соренсен. – С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получилось.

Он поймал взгляд Дрейка и показал на рацию.

Дрейк развел руками и вернулся к работе.

– Днем я и не пытался, – сказал Квидак. – Я займусь этим ночью. Этой ночью – чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, или я убью одного из вас.

– Одного из нас?

– Да. Одного человека. Через час – другого. Возможно, это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, к утру все вы погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

– Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

– Нам бы хотелось побольше узнать о Сообществе Квидака.

– Лучший способ узнать – это слиться.

– Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

– Это нельзя описать, – произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво. – Попробуйте вообразить, что вы – это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее – и для вас тоже – так же ясен, как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень замедленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот – она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень отличается от мировосприятия животных, некогда обитавших на Марсе.

– А что случилось на Марсе потом? – спросил Соренсен.

– Все формы жизни погибли, – скорбно ответил Квидак. – Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до этого на всей планете долгие века царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все время падала: последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

– Потрясающе, – заметил Соренсен с иронией.

– Это был дефект расы, – поспешил возразить Квидак. – У более стойкой расы, такой, как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

– Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоедает цепляться за жизнь.

– Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими Сообщества Квидака.

– А править этим сообществом будет, разумеется, Квидак, – заметил Соренсен. – Как пирог ни режь, а начинка все та же.

– Вы судите о том, чего не знаете, – сказал Квидак. – Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик.

Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

– Работает, – сказал он.

В это мгновение что-то ударило в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо посматривая на людей крохотными красными глазками.

– Забейте окно! – крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крылана. Дрейк остервенело от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаза, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, он должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыланов, а уцелевшие удрали в окно. Окна забились досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

– Есть надежда наладить? – спросил Соренсен.

– Ни малейшей, – ответил Дрейк. – Они выдрали все провода.

– Что же нам теперь делать?

– Не знаю.

Раздался голос Квидака:

– Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

– В таком случае, – произнес Квидак, – я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить.

7

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя

углы в глубокой тени. Кладоискатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что натолкнуло Дрейка на сравнение со стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чувят, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

– Послушайте, может, попробовать это Сообщество Квидака? Может, оно не такое уж страшное, как...

– Заткнись! – отрезал Дрейк.

– Сами подумайте, – увещевал Кейбл, – это все-таки лучше, чем помирать.

– Пока никто еще не умирает, – возразил Дрейк. – Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

– Меня сейчас, кажется, вырвет, – сказал Кейбл. – Выпусти меня, Дэн.

– Блюй где стоишь, – посоветовал Дрейк. – И не забывай смотреть в оба.

– Нет у тебя права мне приказывать! – заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич припечатал его каблуком, растоптал в кашу тяжелым ботинком и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

– Плевать на ос! – крикнул Дрейк. – Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами. Бирнс заметил, что из-под двери вылезает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше – на голый икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел ранку и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с бесстрашием тигра.

Кладоискатели в ужасе заметались, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Они уползали, отступая к крысиной норе, через которую проникли. Одна быстро проскользнула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на полдороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки. Дрейк отвел ствол:

– Постой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к ним.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

– В чем дело? – спросил Соренсен. – Они испугались грозы?

– Нет, вся хитрость в молнии! – ответил Дрейк. – Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

– Что ты хочешь сказать?

– Молния, – объяснил Дрейк. – Электрическая буря! Она глушит его радиокomанды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычными зверями и ведут себя как им и положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

– Буря когда-нибудь кончится, – сказал Кейбл.

– На наш век, может, и хватит, – сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену. – Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

– Эй, – позвал Рисетич, – а мне что делать?

– Можешь пойти поплавать, если мы через час не вернемся, – ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром грохотал не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и не остановились.

– Здесь мы разойдемся, – сказал Дрейк. – Так больше шансов сойтись на Квидаке.

– Верно, – согласился Соренсен. – Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой – фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей собственной злой жизнью, как будто ими управлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.